

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

70 лет

Сотрудники редакции
1947-1951 годов в рисунках
Льва Самойлова

Даниил Руднев, редактор

Таллинн, 2010

Отрывки
(еврейские сотрудники редакции
в рисунках и воспоминаниях)

Лев Самойлов, художник

Память слабеет, если её не тренировать

Михаил Петров.

Старый дом печати. Окна «Советской Эстонии» на втором этаже. «Сталинская молодежь» («Молодежь Эстонии») располагалась этажом выше. Таллинн, улица Пикк, 40.

Ежедневная республиканская газета «Советская Эстония» — орган Центрального комитета компартии Эстонии, Верховного Совета и Совета Министров Эстонской ССР начала издаваться в Таллинне с 1 ноября 1940 года. С началом войны издание газеты прервалось и возобновилось лишь 18 февраля 1944 года, после того как была прорвана блокада Ленинграда. Поздней осенью 1944 года издание газеты было перенесено в освобожденный Таллинн.

.....

Кое-кто из сотрудников редакции бывал у нас дома, но эти воспоминания относятся уже ко времени после 1961 года, когда мы переехали в новую квартиру на Ласнамяэ. У нас регулярно бывал тогда уже бывший сотрудник редакции

добрейший и деликатнейший Фима (Ефим) Зайдельсон — высокий, худой, сутулый, с гривой черных вьющихся волос. В разгар посиделок кто-нибудь непременно затягивал песенку про интеллигента, пользовавшуюся популярностью среди журналистской братии. Есть и другие, менее приличные варианты этой песенки из одного куплета, но память сохранила именно этот:

*Один интеллигент уселся на дороге
И вытянул вперед свои худые ноги,
И кое-что еще, на что смотреть не надо,
И кое-что еще, о чем сказать нельзя.*

Ефим Зайдельсон
(Пикк Райдма)

Про Фиму Зайдельсона рассказывали всякие истории, из которых самая колоритная про то, как он звонил в Болгарию Георгию Димитрову с просьбой поздравить эстонский народ с Первوماем. Димитров, которому вместо «Таллинн» послышалось «Сталин», говорил с Фимой как с Иосифом Виссарионовичем. В конце истории звучала коронная Фимины фраза: «*Только я не Сталин, я — Зайдельсон!*» Редактор Даниил Руднев был наказан, а Фиму уволили из редакции. Ниже эта анекдотическая история изложена с подробностями Лейви Шером.

Зинаида Петрова и Ефим Зайдельсон

Помню, как мы ходили обедать в столовую на втором этаже дома на углу улиц Виру и Вене. В обиходе столовая именовалась «Потолок» — *пойти на потолок, обедать на потолке*. Ходили слухи, что до войны этот дом принадлежал Фиминому отцу, поэтому иногда говорилось «*Пойдем обедать к Фиме*» или «*Встретимся у Фимы*». В столовой долго еще были венские стулья, а в буфете наливали коньяк в чайные стаканы. Мне кажется, что стаканы эти и традиция сохранились до середины 70-х годов. Позже модным местом у редакции стало но-

вое кафе «Пегас», куда на западный манер ходили пить кофе, курить и *разговоры разговаривать*.

Еще из любимых редакционных мест помню молочный зал на улице Пикк, в котором подавали натуральные (!) говяжьи сосиски, и напротив кафе «Пярл», в котором пекли из слоеного теста невероятно вкусные масляные булочки. Залы в «Пярле» были на двух уровнях. Мне нравилось сидеть в нижнем зале у окна и по молодости лет больше нравились «московские» булочки с подобием творожного или сливочного крема. И, если в молочном зале были какие-то мудреные стойки и почти самообслуживание, то в кафе «Пярл» обслуживали официантки в белоснежных наколках и туфлях-лодочках.

Фиму я видел очень-очень давно, последний раз, видимо, еще при советской власти. Нос к носу мы столкнулись на одной из аллей парка Кадриорг. И хотя я заметно изменился, Фима узнал меня сразу. Первым делом спросил о маме и об отце. Потом, вспомнив редакционную традицию, решительно уверил меня в том, что я все-таки больше похож на маму. Лет через десять после этого я случайно нашел Фимину довоенную фотографию в каком-то антикварном магазине и не купил, решив, что кому-то она может оказаться нужнее, о чем теперь искренне сожалею, надо было купить, а не выпендриваться. Как бы там ни было, но Ефим Зайдельсон проработал в газете, как минимум до первой половины 1951 года, о чем свидетельствуют шаржи тогдашнего редакционного художника Льва Самойлова.

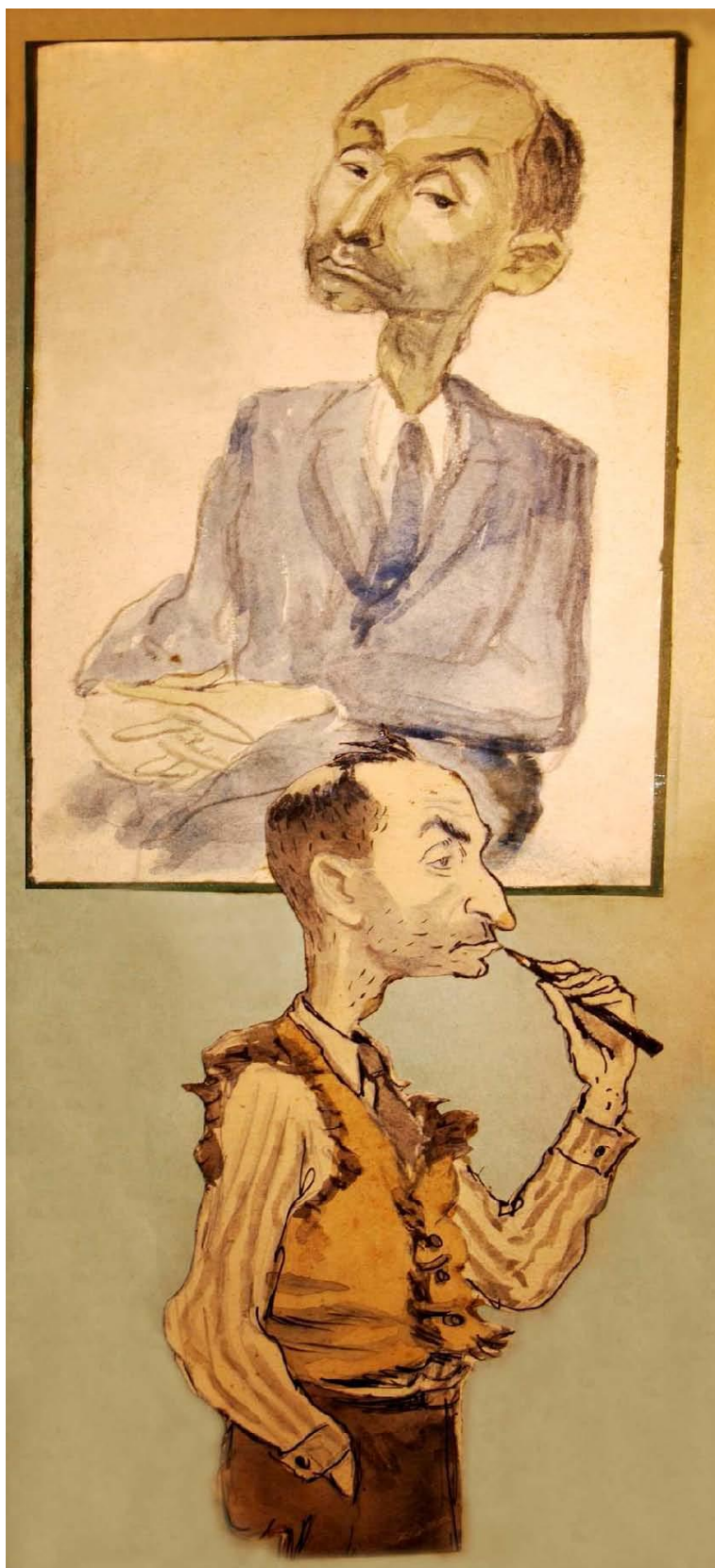

Леонид (Лео) Айзенштадт.

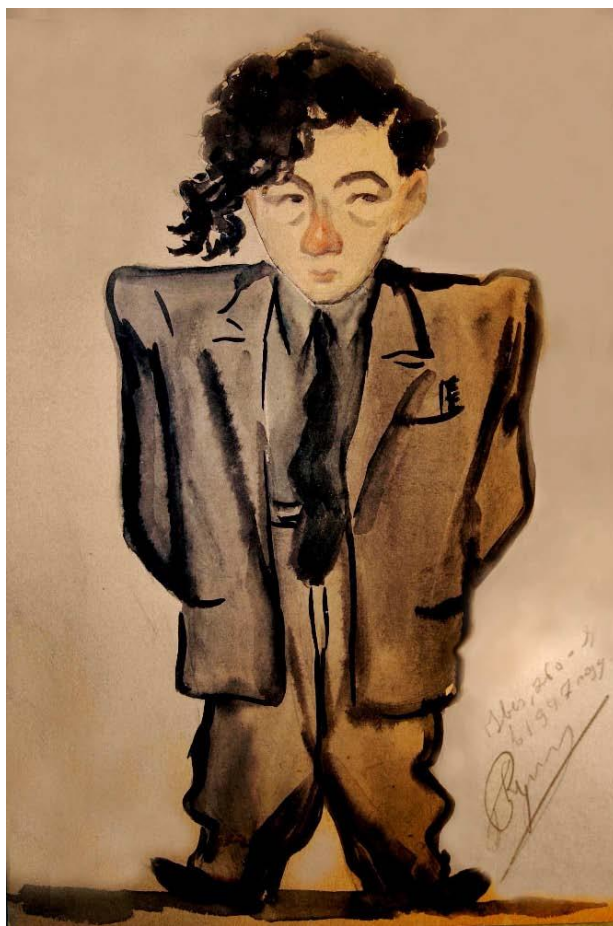
Рената Айзенштадт, машинистка.

Евгений Сунделевич.

Исай (Сая, Сергей) Левин

Валентин Рушкис.

Лейви Шер

Мама и другие

Мама, тогда Бронислава Борисовна Шер, пришла в газету «Советская Эстония» еще до войны. Журналистского, да и вообще высшего образования она не имела. Зато она знала три местных языка — эстонский, русский и немецкий. Поэтому её приняли корреспондентом по культуре. В июле 1941 года началась эвакуация. Так мама попала в Чистополь, в Татарии, где я и родился. Папа погиб 28 августа 1941 года во время эвакуации частей Красной армии из-под Таллинна. Он пошел на фронт добровольцем. Мама работала на Втором московском часовом заводе, делала часовые взрыватели для мин. В 1944 году окончила курсы бухгалтеров Учебного комбината при Совнаркоме ЭССР в Егорьевске (Московская область), и когда мы в октябре 1944 года вернулись в Таллинн была направлены на работу на швейный комбинат «Рыйвастускомбинат», откуда и вернулась в редакцию по приглашению Даниила Марковича Руднева.

Редакция «Советской Эстонии» располагалась на ул. Пикк, 40, если не ошибаюсь, то на втором этаже. Даниил Маркович подарил мне первую в моей жизни книгу — Пушкина издания Ефрона конца 19-го века, по которой я учился читать. Первое, что прочел сам — «Евгений Онегин». Про редакцию, кроме того, что там всегда царил дикий гвалт, помню мало. Особенно громко и хрипло гоготал Костя Любченко. Его детям переходила одежда, из которой я выросал. В 1948 году мама перешла в ЭТА, где проработала до пенсии.

С Фимой я познакомился в Кадриорге, у Лебединого пруда, летом или в начале осени 1945 года. Он был в гимнастерке, пилотке, из-под которой таежными зарослями вылезала его шевелюра, в сапогах с широкими голенищами, из которых палками торчали его худющие мослы. Рената Айзенштадт бросилась к нему, а за ней и её сын — Саша, который моложе меня на 4 недели. Сашиному примеру последовал и я. Фима при всей его ужасающей худобе поднял нас на обоих на руки. Это вообще удивительной доброты человек, готовый отдать последнее.

Фима пошел работать в ту же газету «Советская Эстония», где корреспондентом по культуре работала мама, а машинисткой Рената Айзенштадт

(Гуткина). Недавний солдат оказался удивительно талантливым журналистом. Лучшие материалы газеты тех лет, бесспорно, принадлежали его перу, пока однажды редактор Даниил Руднев не поручил Фиме подготовить для юбилейного номера поздравления от известных людей. Только Фиме, который был не от мира сего, могло прийти в голову позвонить без санкции за границу. Причем не кому-нибудь, а руководителю Болгарии, герою Лейпцигского процесса Георгию Димитрову. Димитров плохо себя чувствовал и находился дома. Но на коммутаторе ЦК Болгарской компартии, услышав, что Димитрова вызывает Таллинн, поняли услышанное не совсем правильно и, переключив вызов на домашний телефон Димитрова, доложили ему, что Димитрова вызывает Сталин. Молва не только исказила ход событий, но и объединила эпизоды, разделенные по времени. В Болгарию Фима действительно звонил, но не в 1950 году, а на Первомайские праздники 1946 года. И действительно телефонист вместо «Таллин» расслышал: «Сталин». Но сам Димитров не мог сомневаться, с кем он разговаривает, поскольку в сохранившейся у Фимы расшифровке разговора четко значится, что на этом конце трубки редакция газеты «Советская Эстония». Димитров был достаточно умным человеком, чтобы не устраивать «скандала на людях» и честно поздравил эстонский народ с Первомаем.

Фиме за этот звонок ничего не было. А было Рудневу, его даже вызывали на «ковер» в Москву. А Фимино увольнение последовало несколько лет спустя в результате доноса в партийную организацию о том, что Фима скрыл свое социальное происхождение. И хотя ничего Фима не скрывал, этого было в то время достаточно для исключения из партии человека, прошедшего всю войну, несколько раз раненого. Фиму уволили и долго не брали на работу никуда. Чем он только в этот период не занимался. Несколько лет спустя, уже после смерти великого вождя и учителя всего прогрессивного человечества, с помощью все того же Даниила Марковича Руднева Фима стал работать в архиве. И в последующие десятилетия он работал архивариусом, а потом научным сотрудником архива, воссоздавая историю коммунистического движения в Эстонии в довоенные годы. <...>

Сейчас Фима с женой живет в Страсбурге, и о его жизни я знаю очень не многое по его редким телефонным звонкам и со слов его живущего теперь в Берлине сводного брата Андрея, который моложе Фимы на двадцать с лишним лет и женат на подруге моей юности Гессе Зальцман. Фима был далеко не единственным, вынужденным покинуть газету в те годы. На пороге уже была кампания борьбы с космополитизмом, более известная, как «Дело врачей», печально сказавшаяся и на нашей семье.

Мама в то время уже работала старшим редактором ЭТА, а заведовал редакцией республиканской информации некто Пановский, довольно неприятный и невероятно болтливый человек. В журналистике он не смыслил ровным счетом ничего, а потому ходил целый день из кабинета в кабинет, высокопарно рассуждая на всевозможные темы. Я уже не помню точно, кто тогда возглавлял ЭТА – первый его послевоенный руководитель Альберт Августович Кейс или это место после смерти Кейса уже заняла его заместитель Кира Николаевна Сипягина. Но стало понятно, что от Пановского на этом месте толку мало. Его перевели заведовать фотохроникой, где нужно было быть не журналистом, а скорее администратором. Впрочем, он и там не изменил характера своей работы, только теперь ходил по кабинетам двух редакций.

Встал вопрос о заведующем редакцией, в которой работала мама. Вся беда была в том, что должность заведующего была номенклатурной. Чтобы ее занять, надо было быть членом партии. Маме предложили эту должность с условием, что она подаст заявление в партию. На свою беду, мама согласилась далеко не сразу. Ей претило вступление в партию из-за карьерных соображений. Но Кира Николаевна настаивала, убеждала, что никто, кроме нее, не сможет обеспечить хорошую работу редакции. С другой стороны, резкий отказ от вступления в партию в то время, особенно в журналистике, был чреват любыми последствиями. А на маминых плечах были бабушка и я. И мама сдалась. Она написала заявление о вступлении в партию. Но тут грянуло дело врачей. Конечно, я в те годы газет не читал и мало что понимал. Просто в один прекрасный день я пошел в библиотеку, обменять книжки, договорившись с мамой, что она подойдет к библиотеке, и мы пойдем гулять.

Библиотека находилась в двух шагах от нас, на улице Ристику. Я обменял книжки и вышел. На противоположном углу, у маргаринового завода, я увидел толпящихся людей. Из любопытства я протолкался сквозь толпу и увидел лежащую на земле маму. Вызвали скорую помощь, и маму увезли в больницу. У нее была тяжелейшая депрессия. В больнице она пробыла несколько недель. А потом в сопровождении бабушки была отправлена в санаторий на Рижское взморье. Нет худа без добра, думаю, что ее отсутствие на работе по болезни в каком-то смысле спасло ее. Потом, когда я уже был постарше, мама рассказала мне, что тогда происходило. Ее вызвали к Кире Николаевне, и та сказала весьма сочувственно, что ни о каком вступлении в партию и заведовании редакцией в новой ситуации речи быть не может, хорошо, если маму не уволят.

Мама понимала, что увольнение означает, что ни на какую нормальную работу ее вообще больше не примут. Она уже знала, что из редакции «Советской Эстонии» уволили другого талантливого журналиста Сунделевича, примерно в это же время ее двоюродного брата Адю выгнали с должности редактора газеты «Ноорте хяэль» и он, с чувством огромной и незаслуженной обиды уехал в город эстонских цементников Кунда, поступив на цементный комбинат простым рабочим.

Адя Слуцкий (Адо Слуцк), который привел маму в «Советскую Эстонию», во время войны работал в дивизионной, а затем корпусной газете Эстонского корпуса, вместе с Арнольдом Греном и Августом Порком. Это он въехал вместе с частями корпуса на территорию лагеря Клоога и увидел штабеля трупов, переложенные бревнами и облитые бензином. Когда мимо проводили колонну пленных, он вне себя выхватил пистолет. Его спас шофер, повисший у него на руке. После войны он стал редактором газеты «Ноорте хяэль», откуда был во время чистки космополитов уволен и стал рабочим на цементном заводе «Пунане Кунда». Через несколько месяцев он уже стал старшим мастером, затем начальником цеха, не имея никаких знаний в области изготовления цемента.

С поста начальника цеха Слуцкий был возвращен в журналистику, став старшим редактором на Эстонском радио. Через несколько лет он стал зампредом Гостелерадио ЭССР, директором Эстонского радио, откуда был уволен за знаменитый футбольный матч между радио и телевидением в начале 80-х годов, во время которого пелись не те песни, хотя сам Адя в это время был в отпуске.

Костя Любченко написал книгу «Восход» — о торфокомбинате «Тоотси» — художественное произведение с гнусным шпионом и вредителем Виснапуу и мужественным директором.

Борис Нейфах

Борис Нейфах был человек исключительной осторожности, сумевший уцелеть и в начале пятидесятых, ставший заместителем редактора «Советской Эстонии» курировавшим местную сеть.

Даниил Маркович, когда я был замредактора в газете, выпускал на общественных началах единственную в Эстонии детскую русскоязычную газету, кажется, она называлась «Малыш». Могу сказать, что Руднев был человеком редкой порядочности, ужасающей доверчивости и уважения к людям. Таким надо памятники ставить.

Илья Сунделевич

Мой отец

Ребекка Сунделевич (Хазак), Софья Шмоткин, Евгений Сунделевич. 1948.

Мой отец Евгений Львович Сунделевич (1907-1959) после службы в эстонской армии и учебы в Тартуском университете переехал в Германию. Сперва в Берлин, затем в Кёльн. В Берлине он продолжил учебу, а в Кёльне стал работать журналистом в газете *Kölner Tageblatt*. В 1936 году, когда евреям стало жить в Германии уже совсем опасно, он переехал в Палестину, в кибуц под Иерусалимом, с поэтическим названием

«Виноградный стан». Спустя ровно 40 лет, прямо из окна своей спальни в Иерусалиме я увидел домики «Виноградного стана», которые как белые барашки сгруппировались на вершине одного из холмов. Это стало моим привычным «видом из окна» на следующие 20 лет.

В 1939 году отец приехал на несколько месяцев в Таллинн к матери. В это время в Эстонию вошли советские войска и ему, как обладателю эстонского гражданства, не позволили вернуться назад, потому что ни британского паспорта, ни так называемого палестинского сертификата у него не было. Так что, если бы не пакт Молотова — Риббентропа, то строил бы отец социализм в Израиле, а не познавал бы практическую сущность его советского варианта на собственной шкуре.

Вот таким образом отец оказался в газете «Трудовой путь», выходившей в Таллинне с 6 июля по 31 октября 1940 года. Так сказать, продолжил работу по специальности в компании знакомых ему людей, левонастроенных еврейских интеллигентов, с которыми, по всей видимости, был знаком еще по своей прошлой

таллиннской жизни. Таких в редакции было не так мало. Видимо, кто-то из них его туда и привел. Отец отсутствовал в Таллинне около 15 лет, так что, маловероятно, что он смог бы решить проблему трудоустройства без помощи своих знакомых.

В начале войны, как менее благонадежный, чем другие, он не был отправлен в эвакуацию как журналист, а был мобилизован в трудовые батальоны, где был, как умирающий, сактирован, но выжил. Он вернулся в Таллинн в 1944 году. Кажется, его разыскали коллеги, и он опять начал работать в газете, теперь уже в «Советской Эстонии» в отделе писем. Кстати, и в «Трудовом» пути» он тоже работал в этом же качестве. По маминым воспоминаниям, ничего интересного отец в своей работе не находил. Более того, страдал от нее. Он просто правил чужие письма. У журналиста с его опытом работы, эта газета, как медийный продукт, говоря сегодняшним языком, не могла вызывать положительные эмоции. Думаю, что в 34-35-х годах в кёльнской газете все-таки было больше журналистики, чем в «Советской Эстонии» в его время.

Его неблагонадёжность была известна как «органам», так и коллегам. Маловероятно, что его большая статья в «Кёльнер Тагеблатт», посвященная 15-летию Эстонской Республики и перепечатанная в юбилейном номере «Eesti Päewaleht», была неизвестна тем его сослуживцам, которые жили в Таллинне до прихода новой власти.

В 1949 году, отца, как буржуазного элемента, выгнали с работы, официально запретив заниматься «чистым» трудом. Не помню, какая тогда применялась для этого формулировка. Его принудительно направили на работу в гараж слесарем. Это человека, который отвертку от сверла не отличал. Но всё это, как я знаю со слов моей матери Ребекки Сунделевич (Хазак), не мешало тёплым и дружеским отношениям с некоторыми коллегами, которые практически все были по своим убеждениям правыми коммунистами, даже, если и не состояли в партии. Одно время это было еще возможно.

Отец очень ценил тех милых и симпатичных людей, с которыми он общался на работе, да и после работы тоже. Нормальные человеческие отношения тогда еще сохранялись, несмотря ни на что. И даже после увольнения несколько человек от него, как от прокаженного, не отвернулись. Одним из них был Алексей Николаевич Соколов, заведующий отделом культуры, с которым отца связывали очень тёплые и доверительные отношения.

После гаража отец, уже как инвалид, смог устроиться в магазин подписных изданий на улице Кинга, где сидел в маленькой конторке и заполнял какие-то

формуляры. Могу ошибиться, но мне кажется, что этой своей последней работе он тоже был обязан кому-то из бывших коллег по редакции. Кажется, директор магазина была из бывших «совэстонцев».

Во второй половине 50-х годов, время, которое я уже и сам помню, дружеские отношения с некоторыми работниками редакции все равно продолжались. Это и уже упомянутый А.Н.Соколов. И Лёня Айзенштадт. По паспорту он был Лео, но все звали его Лёней. От него исходило нечто, для меня очень приятное, которое я не мог выразить словами. Сегодня мы назвали бы это аурой. От него вкусно пахло табаком, и, видимо, коньяком тоже. Когда он приходил, то вынимал в коридоре бутылочку из бокового кармана пальто.

Часто приходил и Ефим Зайдельсон. Одно время они писали в соавторстве пьесу. По неизвестным причинам до театров этот текст не дошел. Что послужило причиной, отсутствие таланта, или идеологическая составляющая, я не знаю. А сегодня и спросить уже больше не у кого. Допускаю, что великими драматургами они не были.

Неподалеку от нас на улице Лейнери, нынешней улице Поска, жил Алексей Севастьянов. Какую должность он занимал в редакции, я не знаю. Помню только разговоры о том, что он был для того круга на редкость хорошо образованным человеком. Мой отец ходил к нему слушать на патефоне, который мы себе позволить никак не могли, записи оперной музыки. Как-то раз и меня взяли с собой. Если я не ошибаюсь, то Севастьянов был еще и спортсменом. Не то футболистом, не то имел какое-то отношение к футболу.

Уже в мои институтские времена еще один бывший сослуживец отца пришел и мне на помощь. Заведующий отделом театров в Министерстве культуры давал мне и моей тогдашней жене немного подзаработать переводами пьес, которые надо было отправлять в Москву на утверждение. Звали его Сая (Исай) Левин. Правда, на работе к нему обращались — Сергей.

Я не думаю, что отец испытывал бы положительные эмоции от «Советской Эстонии», даже сохранив там свое рабочее место. Но я, конечно, не могу исключить и того, что он, как и многие, не лез бы на баррикады, а держал бы фигу в кармане и ходил на работу. За недолгой работой в гараже последовало несколько инфарктов, которые и привели отца к смерти в 1959 году.

С легкой руки Сергея Довлатова все знают историю про Зайдельсона, Сталина и Димитрова. Но есть еще одна история, про Сталина и Сунделевича.

Как-то раз отец остался на ночь в редакции, выполняя работу ответственного выпускающего. Подписав последнюю корректуру, он отправил набор в печать, а сам лёг немного вздремнуть. Долго поспать ему не пришлось, потому что кто-то из типографии, которая помещалась в том же здании, поднялся к нему в кабинет с оттиском газеты. На первой полосе в заголовке красовалась опечатка, которая могла стоить ему жизни. В слове «Сталин» буква «т» была заменена на «р», Сралин.

К тому времени экспедиция уже начала развозить газеты. По счастью, ни одна машина за пределы города еще не выехала. Отец на типографском пикапе объехал те киоски, куда были отправлены первые газеты, и вернулся с ними назад. В это время перепечатывался весь тираж.

По счастью, для отца это не имело фатальных последствий. Дома всегда рассказывали, что ему не то поверили, не то были найдены доказательства, что набор был изменен уже после его подписи.

Вот такая история.

**Главные редакторы «Советской Эстонии»
и «Эстонии»
(После Ю.Юрна).**

Туронок Генрих,
Тараканов Сергей,
Томбу Вольдемар,
Иванов Вячеслав,
Белобровцев Виталий
Вельман Владимир,
Никифоров Илья,
Тух Борис,
Сергеев Сергей,
Левин Марк,
Белобровцев Виталий.